

Юлия ДОБРОВОЛЬСКАЯ

НОЧНОЕ ТАКСИ

Киноповесть

18+

The background of the entire page is a nighttime photograph of a city skyline. A tall, modern building with a red sign on top is visible on the left. Several streetlights with glowing yellow lamps are scattered across the scene. Bare trees are silhouetted against the dark sky. The overall color palette is dominated by deep blues and blacks, with warm yellow and orange highlights from the city lights.

Юлия Добровольская

Ночное такси. Киноповесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34939746

SelfPub; 2018

Аннотация

Все мои истории – о сложностях и радостях человеческих взаимоотношений. Я не сужу своих героев – не осуждаю и не одобряю – я их наблюдаю. В моей прозе нет ничего об интригах, предательствах, мести, зависти и прочих явлениях, бытующих в среде спящей части человечества. Здесь – совсем о других людях. О тех, кто понимает, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы. О тех, чья жизнь – это рост, а не увядание, и смерть – это продолжение, а не конец.

НОЧНОЕ ТАКСИ

Киноповесть.

Середина девяностых.

Лето. За полночь.

Широкий проспект. Огни и шум большого города создают атмосферу если не праздника, то отдыха от дневного напряжения и суеты.

Тротуар отделён от проезжей части рядом больших деревьев и клумбами с цветами.

Под знаком "стоянка такси" – несколько машин с зажжёнными "гребешками". Последней стоит серебристо-белая "альфа-ромео". Постепенно стоящие впереди автомобили разъезжаются, забирая пассажиров, и "альфа-ромео" занимает место первого.

Водитель – худощавый мужчина средних лет, одетый в джинсы и джинсовый жилет поверх клетчатой рубашки с закатанными ниже локтя рукавами. Он сидит, откинувшись на спинку и положив руки на затылок.

Его лицо – лицо человека пережившего или переживающего какую-то драму, и при этом явного интроверта: чуть сдвинутые тёмные густые брови; плотно сжатые губы; взгляд, направленный в себя. У него приятная мужественная наружность, его жесты размерены и скупы.

Тихо звучащая из приёмника музыка сменяется тирадой ди-джея, а та – песней со словами "...что никто никогда не любил тебя так, как я..."

Голос мужчины – тихий, низкий, почти без эмоций, бесцветный – обращён к себе. Речь прерывается долгими паузами.

"И меня никто не любил, как ты... И я никого не любил, как тебя... А теперь я не знаю, люблю ли?.. Правда, не знаю.

Раньше знал – я люблю, ты любишь... мы любим. Порой дыхание перехватывало... И привыкнуть невозможно было. День начинался тобой... я начинался тобой... жизнь начиналась тобой.

Теперь – тебя нет, меня нет... И только жизнь начинается каждый день. А к этому, оказалось, привыкаешь... Инстинкт самосохранения, как сказала бы ты... Чтобы не сойти с ума, не покончить с собой... Просто принять и привыкнуть.

Только почему?.. Почему!?. Кто это придумал? За что?.. Или для чего?.. Есть надежда... А стоит ли цепляться за неё? Может, лучше не расслабляться?..

Скоро твой праздник... Неужели последний?.."

Мужчина встряхивает головой, пытаясь прогнать тяжёлые мысли, проводит ладонями по лицу.

Снова жизнерадостный голос ди-джея молотит какую-то

чепуху. Мужчина выключает приёмник.

К машине подходят четверо подростков – обритых наголо и одетых по-спортивному в майки и кроссовки.

– Шеф, свободен?

– Куда?

– На Озёрную и назад. Только быстро, шеф!

– Без "шеф" и без "быстро". И деньги – вперёд.

– А чё это – вперёд? Вернёмся – заплачу.

– Я знаю, как вы платите, когда вернёмся.

Один из них достаёт несколько купюр и показывает водителю. Тон его несколько любезней, чем вначале:

– Вот. Деньги есть, если не верите.

– Вот и заплати вперёд. А повезу только одного.

Другой напирает, но тоже сбавив тон:

– А чё за правила? Ехать надо. Да поскорей. – Он пытается открыть дверцу.

– Ладно, только вон того милиционера прихватим... Это я себе безопасность обеспечиваю.

При этих словах подростки озираются и быстро скрываются.

«Неужели, побалуются и бросят?.. Женятся, детей заводят?..»

Не верится. Откурят мозги, или отколют, и кончат, в лучшем случае, в тюрьме.

Когда я узнал впервые про наркотики? Пожалуй, вместе со страной... Хотя, нет, раньше – в армии. Да и то – намёками. Ходили слухи, что двоих в дисбат турнули, за то, что курили что-то не то..."

Издали приближается стройная, ярко одетая девица. Раскованной походкой направляется к машине.

"Что, длинноногая, красивая, кто ж тебя одну посреди ночи бросил?...»

– Шеф, свободен?

– Куда Вам, девушка?

– Да могу и с тобой, если деньги есть. Тачка-то твоя – ничего себе.

– А... сколько мне надо иметь?

– Если у тебя на хате – столтник. Если ко мне – полтора... Можно в машине, по-быстрому, тогда – полтинник.

– А ты дорогая!

– А ты дешёвку предпочитаешь? Езжай на вокзал. Там за банку белой – без проблем. Только руками не трогай, – грубо смеётся, – а то потом лечиться будешь, не вылечишься. А я со справочкой... Ну, давай. Ты мне уже понравился – грудь у тебя волосатая и руки большие... Я это люблю. Заведусь – не отпустишь! Я денег зря не беру. А?

– Уговорила. Вот только за деньгами смотаюсь – весь год

на отпуск копил. Гуляем на все пятьдесят зелёных. Жди. Я вернусь!

Он заводит мотор и медленно трогается с места.

– Козёл!

Девушка уходит.

"Конечно, козёл. Сразу не понял, что в таких нарядах среди ночи к маме в гости не ездят. И домой к мужу тоже..."

К стоянке приближается прилично одетый мужчина средних лет с длинной розой в руке. Он изрядно навеселе, но держится. Машет рукой. Машина останавливается.

"А вот... вот к жене – в любом виде можно вернуться, и в любое время. На то она и жена..."

– И куда нам?

– Д-друг... Дай сяду, потом скажу... Ой, моя роза! Не сломай... – Он с трудом усаживается и откидывается облегчённо на спинку кресла.

– Где обитаем?

– А-а?

– Где ждут тебя? Куда едем?

– Г-главный Проспект...

– Мы и так на Главном.

– В конец... сосорок... ссо сорок семь – и-ик! Прости,

друг. Прости, шеф... Сто сорок семь а-а-а-ик! А – в смысле, дом "а". Сто сорок семь "а". – Наконец удаётся ему вся фраза.

– Деньги есть?

– Обижаешь, ше-е-еф... Во – видишь? – тычет водителю в лицо цветком.

– Это роза, а я за деньги работаю.

– Да... Правильно... Это роза. А ты знаешь, скока она... и-и-к! стоит? Не-е-т, не зна-а-аешь... Шеф, будь другом, угости сигаретой, я враз протрезвею...

– На, держи... Извини, не мальборо, к твоей розе не очень подходят... Так что у нас с деньгами?

Пассажир с наслаждением затягивается раз, другой и на глазах приходит в себя.

– Шеф, вот... кошелёк, возьми сам. Можешь зелёными. Мы сегодня объект сдали. Так нам по договору нашими дали, а премию – зелёными... Я вот жене розу купил... Хороша, а?

– Хороша. Положи сзади, а то поломаешь. Кошелёк возьми. Приедем – по счётчику заплатишь.

Включает мотор, трогается с места.

– Спасибо, шеф. Это ты здорово с розой сообразил...

– Если не затруднит, не называй меня шеф.

– Ну мне же надо тебя как-то называть. Ехать нам далеко, ха-ха!... – Пассажиру явно легчает, он расположен к общению.

– Лев.

– Класс! Шеф по имени Лев. Жене расскажу. Ну ты прости, это я так – забавно... Вишь, я уже рифму чувствую, трезвею, значит. Может, к дому совсем... и-и-к! протрезвею. Жену жалко... Я – сволочь! А как тут, ёлы, по-другому?... Ты, ш... то есть, Лев, знаешь, что такое стройка? А-а-а... Не знаешь! А я уже двадцать два года строю. Раньше-то было – страх. А сейчас – просто ужас! Материалы дорогие, заказчики – звери: им еврокачество подавай! А работы-то у нас те же остались. А их как учили – плюс-минус пол-лаптя на допуски-припуски... Да что я тебе рассказываю! Ты, поди, на потолок иногда смотришь? Или всё жена больше? А? Ха-аха-ха... Ты прости, Лев, это я по-нашему, по-простому пошутил... Ты-то человек интеллигентный, я ж вижу... А у тебя жена есть? А, ну да – кольцо вон... Хорошая жена? А?

– Хорошая.

– Прости, Лев, я лезу к тебе с базарами. Мне-то хорошо – я поел, выпил. Банкет у нас был. Заказчик нас гулял – доволен остался... Ты-то небось голодный?.. Слушай, у меня идея! Пошли в ресторан – я угощаю. Едем! Около моего дома есть ночной. Я, правда, там не ел, но заходил – красиво... Только не говори "нет" – обидишь. А прораба обижать нельзя. Прораб и так жизнью обижен... Знаешь, у нас в институте шутка гуляла: было у отца три сына, двое умных, а третий в строители пошёл!.. Ах-ха-ха!.. Ну что, Лев, гуляем?

– Конечно, нет.

– Ну просил же, как человека...

– Моя жена не поймёт. Да и твоя тоже. Волнуется, наверняка. Ты вон ей розу везёшь, она ж завянет.

– Мы и твоей купим!.. Я куплю... Ну, как бы, от тебя.

– Уговорил. Только сперва заезжаешь домой, отдаёшь розу, а потом едем кутить.

– О кей, Лев! Вон там – направо, во двор. Вот к этому дому... Хороший ты мужик, Лев. Наш мужик. Кто прораба понимает – наш мужик!.. Стой! Мы кутить идём, так? Жена с нами не пойдёт – не любит она рестораны. Я должен ей купить бутылку амаретто. Просто обожает амаретто... А я – нет. Шампунь какой-то... Давай, друг, мотнёмся, я плачу. Это как раз около ресторана нашего с тобой...

Машина разворачивается, выезжает из двора. Подъезжает к небольшому магазину. Пассажир выходит более уверенной походкой, чем прежде. Направляется к магазину.

Возвращается с двумя плоскими тёмными бутылками.

– Всё о кей, Лев. Вот это – моей, а это – твоей. Твоя любит амаретто? Я купил, думаю, все бабы амаретто любят... И розу я отдам твоей, а своей завтра ещё куплю.

Машина возвращается во двор. Около подъезда нервно ходит женщина в накинутой на плечи кофте, в брюках и тапочках.

– О! Тормози, Лев. Что это моя во дворе делает? – Он выходит и неуклюже обнимает женщину. – Марин, ты чё это

тут делаешь?

– Живой? И не ограбили? Или как в прошлый раз?

– Не, Марин, вот смотри – кошелёк, деньги... Это нам сегодня дали. Ах, ёлки, даже заначку не успел сделать, всё в кошелёк положил...

– В прошлый раз только заначка и осталась целая... Сколько он Вам должен?

– Не-е-е, Марин, ты кошелёчек-то отдай. Мы с Львом идём поговорить. Вот это тебе, Марин. – Отдаёт ей бутылку. – Я же помню, ты любишь... Я тут тебе ещё розу купил, но решил её отдать жене Льва. Он – хороший мужик, Марин, наш мужик... Я тебе завтра три куплю. Ладно, Марин? Ты не обижайся, а мы пойдём...

– Завтра с Львом поговоришь... Поблагодари, что возился с тобой, да по счётчику взял...

Лев отдаёт пассажиру розу и бутылку:

– Иди, друг, домой. Не собирался я в ресторан идти, мне работать надо.

– А ты – подле-е-ец! Я думал, ты наш мужик, а ты – подлец. Обманом меня бабе сдал, а сам – поехал! Эх ты... Розу возьми и ликёр, а то я вспыльчивый – и об асфальт могу! Ну?..

– Вспыльчивый, пошли домой, отстань от человека. Я уже не знала, что думать: сижу, жду, машина подъезжает, смотрю – ты сидишь. Потом – развернулась, уезжает. Я номер запомнила, думаю, если через пять минут не вернётся, в милицию

звоню... Потом – смотрю, едешь.. Спасибо Вам, извините... Пошли, вспыльчивый...

– Ладно, Лёва, прощаю. Скажи спасибо жене моей – она всегда меня успокоить может. Она хорошая у меня... Ты, Марин, самая хорошая... Только, Лёва, розу с амареттой возьми.

– Не возьму. У меня жена в отпуске. Ты своей покупал, вот и отдай ей.

– Ладно... Марин, вишь, какой Лев хороший мужик, я ж говорил, наш мужик... На розу, Марин. А бутылку, Лёва, разобью, если не возьмёшь.

– Возьмите, пожалуйста. И спасибо Вам... Пошли, вспыльчивый...

Они уходят.

Лев садится в машину, выезжает из двора и медленно едет по проспекту.

"Хороший ты мужик, прораб. И жена у тебя хорошая. И не болеет..."

Машину останавливает молодой мужчина, коротко стриженный, в спортивном ярком костюме.

– Куда Вам?

– В начало проспекта, там ресторан есть, заберём одного человека – и назад.

– Маршрут сложный, деньги вперёд.

– Без проблем! Держи. Зелёными пойдёт?

Садится в машину. Едут молча. Тихо звучит музыка.

– Шеф, курить можно?.. Спасибо.

Через некоторое время, заметив одинокую покачивающуюся фигуру, пассажир останавливает машину и выходит.

– Э-э... ты куда пилишь? – он хватает за руку разодетую нетрезвую девицу и заталкивает её в машину. – Едем назад, шеф. А ты, гадость, куда это? Нажралась... Деньги взяла? ...

– Не надо ругаться, а то не поедem дальше.

– Ладно, шеф... А ты мне сейчас всё расскажешь. Деньги покажи! Стерва... Как работать будешь? Говорил, не напивайся, клиент ждать будет. Ща получишь у меня нашатыря – мало не покажется!.. Сиди, не рыпайся! Как дал бы по морде... Сюда, шеф. Вылазь, сволочь... – Пассажиры выходят.

"И эта тоже не болеет. И не заболает... Одноклеточные почему-то меньше болеют".

Небо с одного края начинает стремительно светлеть. Становятся бледнее огни фонарей, щиты рекламы. Отчётливее проступает архитектура города: старые, довоенной постройки помпезные здания, широкие улицы и проспекты, пересекающиеся под прямыми углами.

Деревья вдоль улиц – толстые опиленные стволы со све-

жей порослью вверху, во дворах – пышная зелень, похожая на пену, которая вот-вот перельётся за борта, образованные стенами домов, замкнутыми в четырёхугольники.

То тут, то там появляются первые трамваи и троллейбусы, почти пустые в этот ранний час. На крупных перекрёстках жёлтые мигающие огни светофора сменяются на попеременно горящие красно-жёлто-зелёные. Прибавляется машин на проезжей части.

Рядом с крупным гастрономом останавливается серебристо-белая "альфа-ромео". Загорается аварийный сигнал. Лев выходит и направляется к гастроному.

Основная часть магазина отделена решетчатой загородкой, там темно. Ярко освещён винный отдел со стеллажами, уставленными бутылками, и витриной с дежурным набором фасованных в пакеты и банки продуктов.

За прилавком сидит девушка с карандашом в руке, склонившаяся над газетой. В стороне, опершись о колонну, стоит охранник в милицейской камуфляжной форме и наблюдает за действием, происходящим на экране закреплённого под потолком телевизора, из которого доносятся звуки, характерные для не претендующего на гениальность фильма: крики, выстрелы, взрывы, скрип тормозов и тому подобное.

Внутрь входит водитель. Охранник лишь мельком удостоверяется в том, что вошедший – обычный покупатель, к то-

му же, хорошо знакомый, и продолжает с интересом участвовать в киношных событиях: на его бесхитростном лице отражаются перипетии столь же бесхитростного сюжета.

Девушка, узнаёт вошедшего, и, как будто ждала именно его, улыбается. Её лицо преобразается из уставшего и скучающего над надоевшим кроссвордом в оживлённое и радушное.

– Доброе утро.

– Доброе.

– Вам как всегда? – И она, не дожидаясь ответа, выходит из-за прилавка и скрывается в тёмной части магазина.

Выйдя оттуда, она кладёт перед ним пакет молока и плетёную булку с маком, обернутую целлофаном. Включает кассу и выбивает чек.

– Не хотите свежей ветчины? Очень вкусная – я уже попробовала.

– Правда, вкусная?

– Правда-правда.

– Беру.

Девушка достаёт с витрины пакет с нарезанной ветчиной, снова пробивает чек. Ей явно не хочется расставаться с покупателем, но повода задерживать его больше нет.

А сам покупатель не намерен задерживаться. Он расплачивается и, улыбнувшись продавщице, кивком головы благодарит её и выходит.

Она провожает его худощавую ссутуленную фигуру взглядом до двери, смотрит в стеклянную витрину. Видит, как он, сев в машину, снимает "гребешок", отключает аварийные огни и трогается с места.

Она ещё долго смотрит за стекло, но уже не на то, что можно увидеть глазами.

Через несколько метров машина сворачивает в арку, едет по засаженному старыми деревьями двору и останавливается у подъезда.

Над дверью всё ещё горит фонарь, хотя нужды в нём уже нет – утро вступает в свою силу.

Выйдя из машины с пакетами под мышкой, и, нажав на кнопку брелока, Лев включает сигнализацию. Машина мелодично пискнув, отпускает своего хозяина на отдых.

Он открывает кодовый замок и входит в просторный гулкий подъезд. Широкие лестницы с ажурными решётками, старый лифт – за решётчатой же дверью.

В глубине парадного – стол, на нём лампа с абажуром, рядом тахта. На тахте, прислонившись к спинке, дремлет над книгой пожилая женщина.

Услышав стук двери, она просыпается и кивает вошедшему:

– Доброе утро, Лев Сергеевич. Вам телеграмма, поздно вечером принесли. Вот.

– Спасибо, Елена Марковна.

Зажав сложенный вчетверо листок губами, он поднимается к лифту, одновременно нащупывая в связке нужный ключ.

– Как работалось? – Вахтёрша не прочь бы немного поболтать с этим милым мужчиной, но, зная его немногословность, не ждёт ответа, а сама отвечает за него новым вопросом-утверждением: – Ездоков, поди, немного – начало недели...

Но Лев неожиданно останавливается, поворачивается к ней и говорит:

– Ездоков всегда достаточно, Елена Марковна. – Помолчав немного, решается на вопрос: – Елена Марковна, вы в бога верите?

Женщина удивлена, оживляется, приготовившись к разговору.

– В бога?.. Что это вы, Лев Сергеевич, какой бог? Человек – вот бог. Каждый сам себе бог. Двадцать первый век на носу, а вы – бог!.. Это всё от нечего делать... Бог... Народ как с ума свихнулся – в церковь попёр. Космос, атом, человека вон в пробирке выращивают... Бог! Что это с вами? Вы ж образованный человек...

Разговора не получается. Монолог повисает в воздухе. Лев, опустив голову, идёт к лифту, открывает дверь.

– Всего доброго, Елена Марковна.

Елена Марковна, поняв, что перегнула и упустила случай поточить лясы, спохватывается:

– Погодите, Лев Сергеевич, а что это вы вдруг?..

Но тот уже захлопнул лифт, и светящаяся кабина медленно ползёт вверх.

Лев, открыв большие двойные двери, входит в просторную прихожую и включает свет.

Слева – вешалка, на ней зонт, плащ, куртка. Под вешалкой, на темном пыльном паркете – несколько пар мужской обуви. Справа, дальше от двери – старый комод со стопкой газет и журналов, телефонным аппаратом старого, довоенного образца. За ним – стеллаж до потолка, заполненный книгами и толстыми литературными журналами, расставленными по годам. Над комодом зеркало с двумя бра по сторонам. На комодке слой пыли, только на ближнем к двери углу она свезена: видно, что этим углом пользуются. Сюда Лев и кладёт ключи, продукты и сложенный листок.

Он переобувается в домашние тапки, берёт с комода продукты. Передумав, снова кладёт их на место и, распечатав телеграмму, монотонным голосом произносит по слогам:

*"Бу-ду про-ли-отом пи-атни-тсу поздра-вли-аю ли-ена.
Ленка летит из Рима... Вот и славно. Анна будет рада...
А я хоть уборку сделаю."*

Он проводит ладонью по нетронутой пыли, отряхивает её и долго смотрит на календарь рядом с зеркалом: на фоне оранжевого заката Колизей и цифры – 1995.

«Пятница... пятница у нас через три дня...»

Лев берёт пакеты и идёт в кухню. Там – следы лёгкого невнимания к порядку, как и в прихожей.

Просторная кухня обставлена старой и современной мебелью вперемешку. В ней уютно от обилия зелени на широком подоконнике и разнообразных ярких предметов и деталей.

Лев кладёт продукты на стол, наливает в чайник воду, ставит его на плиту и выходит.

Он стоит в ванне, подставив лицо колючим струям. В его сознании возникает картина: под душем он и женщина с мокрыми тёмно-рыжими волосами; они целуют друг друга и ласкают – без страстных порывов – нежно и немного лениво; по всему видно, что это занятие им никогда не надоест.

Раздаётся звонок в дверь. Лев возвращается в реальность, накидывает на мокрое тело халат и выходит в прихожую.

– Кто там?

– Телеграмма.

Лев расписывается и закрывает дверь. Возвращается в

ванную, садится на угол стиральной машины, распечатывает и читает:

"Поздравляю нашим днём люблю люблю люблю твоя бел-ка".

Рука с листком бумаги опускается. Он смотрит прямо перед собой пустым взглядом.

Свистит чайник. Лев встаёт, роняет на машину телеграмму и идёт в кухню. Снимает с плиты чайник, смотрит на него, пожимает плечами и, выключив плиту, ставит на стол рядом.

Он сидит в кухне за круглым столом с яркой клетчатой скатертью, над столом – большой лоскутный абажур. Налив в стакан молока, отхлёбывает его без аппетита и закусывает плетёнкой, которую отламывает небольшими кусками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.